ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1896 г.

ТОМА I-го КНИЖКА 3-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп., К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; у **Фоссъ (Г. Гессель)** въ Лейпцигѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ

Цѣна этой книжки один**ъ** *рубль.*

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА и СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

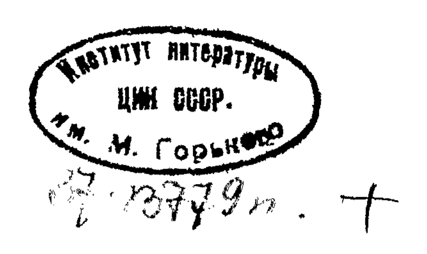
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1896 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

I-го тома (1896 г.) Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ:

Институт литературы
ЦИК СССР.
им. И. Горького

Размѣръ (двѣнадцатислоговой) древнѣйшихъ стихотвореній поэтовъ славянскихъ (сербохорватскихъ) въ Далмаціи.

I.

Во второй половинѣ XV столѣтія возникла въ Далмаціи поэтическая литература на славянскомъ языкѣ областного нарѣчія, которое въ то время называли то «хърватскимъ», то «словинскимъ». Мѣстомъ рожденія ея были старинные города, почти совсѣмъ уже ославянившіеся, Адріатическаго побережья: Сплѣтъ (Spalato) и Дубровникъ (Ragusa). Прежде всѣхъ примкнулъ къ нимъ островъ Хваръ (Lesina), но вскорѣ стали примѣру ихъ подражать также прочіе города и острова Далмаціи. Дубровникъ, пользовавшійся выгодою полной политической независимости, разбогатѣвшій торговлею, которую онъ велъ по Адріатическому морю и по Балканскому полуострову, взялъ вскорѣ верхъ надъ всѣми прочими городами; онъ превзошелъ ихъ какъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, такъ и въ литературѣ.

Толчокъ этому происхожденію славянской литературы въ городахъ Далмаціи данъ былъ конечно ближайшею ихъ культурной сосѣдкой по ту сторону моря, Италіею, гдѣ помимо средневѣковой литературы латинской и помимо присоединившагося въ XIV—XV столѣтіяхъ возрожденія или гуманизма тоже на ла-

тинскомъ языкѣ, очень рано и народный языкъ выступилъ въ поэтической литературѣ, въ особенности въ блестящей лирикѣ Петрарки и его подражателей — петраркистовъ, въ поэзіи канцоньеровъ провансальскаго, трубадурскаго, направленія.

Средневѣковая христіанская поэзія, съ нѣкоторою примѣсью гуманизма, нашла на славянской почвѣ Далмаціи своего представителя въ городѣ Сплѣтѣ, въ лицѣ Марка Марулича. Славянскій отголосокъ трубадурской лирики нашелъ себѣ пріютъ въ городѣ Дубровникѣ, въ пѣсняхъ Шишка (Сигизмунда) Менчетича и Гьоры (Георгія) Држича.

Маруличъ (Marcus Marulus), извѣстный латинскій писатель, прославившійся по всей Европѣ своими морально-философскими сочиненіями на латинскомъ языкѣ, рѣшился, какъ кажется, уже въ преклонные годы (приблизительно около 1500, онъ же родился въ 1450 году) написать нѣсколько сочиненій на родномъ, хорватскомъ, нарѣчіи, имѣвъ въ виду преимущественно читателей, не понимавшихъ его латинскихъ сочиненій. Въ числѣ ихъ была, говорятъ, также его сестра, жившая въ одномъ женскомъ монастырѣ. По-латыни Маруличъ писалъ преимущественно прозою (латинскія пѣсни его даже до сихъ поръ не изданы); сочиненія его распространились въ многочисленныхъ изданіяхъ по всей западной Европѣ, они въ теченіе XVI столѣтія принадлежали безспорно къ самымъ популярнымъ произведеніямъ христіанской назидательной литературы. На хорватскомъ же нарѣчіи онъ предпочелъ писать стихами, хотя направленіе его хорватскихъ сочиненій осталось тоже самое, поучительное и назидательное, съ меньшимъ запасомъ учености, болѣе для легкаго чтенія. Изъ всѣхъ по-хорватски написанныхъ стихотвореній Марулича только составленная въ стихахъ «Юдита» вышла въ печати въ 1521 году (въ Венеціи) и потомъ еще нѣсколько разъ; всѣ остальныя сочиненія остались въ рукописи до 60-хъ годовъ нашего столѣтія, когда они были изданы въ Загребѣ, въ I томѣ академическаго изданія «Stari pisci hrvatski», стараніемъ Ивана Кукулевича.

Менчетичъ и Държичъ, жители Дубровника, современники Марулича, не писали, насколько мы знаемъ, ничего по-латыни; о ихъ начитанности въ средневѣковой христіанской литературѣ нѣтъ никакихъ указаній. Поэтическая дѣятельность ихъ находится въ полнѣйшей зависимости отъ италіанской лирики направленія трубадурскаго, въ особенности отъ позднѣйшихъ подражателей Петрарки, въ родѣ венеціанскаго поэта Lionardo Giustiniani. Въ стихотвореніяхъ этихъ двухъ предводителей славянскаго Парнаса въ Дубровникѣ слышится то и дѣло жалобный голосъ о любовной «службѣ», о любовномъ «страданіи», расписываемыхъ по образцамъ провансальско-италіанской лирики въ сотняхъ пѣсенъ, начиная съ дистиховъ и четверостишій и доходя до 600 стиховъ! Національнаго, славянскаго, за исключеніемъ языка, въ этихъ пѣсняхъ очень мало: иной поэтическій оборотъ, названіе «госпожи» — «вилою». Индивидуальнаго, личнаго элемента тоже очень мало замѣтно: не легко различать стихи Държича отъ стиховъ Менчетича. Уже современники не дорожили этимъ различіемъ. Когда въ 1507 году Никола Ранина порѣшилъ собрать стихотворенія ихъ обоихъ въ одинъ canzoniere, онъ исполнилъ это такъ, что не обращая вниманія на авторскую собственность, расположилъ весь матеріалъ въ алфавитномъ порядкѣ. Этотъ сборникъ къ счастію уцѣлѣлъ — онъ находится теперь въ Задрѣ въ библіотекѣ гимназіи — и послужилъ мнѣ, лѣтъ 25 тому назадъ, хотя не единственнымъ, но все-таки главнымъ источникомъ для изданія сочиненій этихъ писателей, напечатаннаго въ 1870 году, во второмъ томѣ «Stari pisci hrvatski».

Маруличъ и Менчетичъ - Държичъ были современники. Разстояніе между Сплѣтомъ и Дубровникомъ, какъ каждый знаетъ, очень незначительное. А все-таки изъ сочиненій этихъ трехъ поэтовъ не видно, да и изъ разсказовъ литературныхъ историковъ ничего неизвѣстно о томъ, существовали ли между ними какія либо сношенія, знали ли Дубровничане (Менчетичъ и Държичъ) по крайней мѣрѣ о сочиненіяхъ своего собрата по занятіямъ,

Сплѣчанина (Марулича). Не удивительно было бы, конечно, если бы строго-набожный Маруличъ, въ стихахъ котораго постоянно слышится восхваленіе добродѣтелей, похвала Богу и Богородицѣ, и не желалъ читать пѣсни совсѣмъ другого рода и направленія, не хотѣлъ обращать вниманія на стихи, посвященные любви къ женщинѣ, на поэзію служащую культу ея. Если бы Маруличъ и зналъ про эту поэзію, онъ могъ бы развѣ только всею силою поэтическаго негодованія осуждать ее. Но съ другой стороны невѣроятно также предположить, чтобы Менчетичъ и Държичъ, эти представители веселой свѣтскости и поклонники любви къ женщинѣ, увлекались стихами Марулича или же отъ нихъ заимствовали для себя образцы. Но объ этомъ рѣчь впереди.

II.

Итакъ нисколько не удивляетъ насъ, что у Марулича съ одной стороны и у Менчетича —Държича съ другой стороны, кромѣ ихъ принадлежности одной національной области, одному языку, почти ничего общаго нѣтъ. У нихъ совсѣмъ различные идеалы, у ихъ поэтическаго творчества различныя стремленія. Я говорю почти ничего общаго, потому что кромѣ единства языка, существуетъ все-таки еще одно звено, соединяющее ихъ: это размѣръ ихъ стиховъ, ихъ версификація. Какъ Маруличъ въ своихъ легендахъ библейскихъ (Юдитѣ, Сусаннѣ) и въ поэтическихъ толкованіяхъ о добрыхъ качествахъ христіанской жизни и т. д., такъ Менчетичъ и Държичъ въ своихъ любовныхъ воздыханіяхъ, въ своемъ разглагольствованіи о любовныхъ страданіяхъ — всѣ они пользуются, несмотря на громадное различіе въ общемъ содержаніи ихъ поэзіи, однимъ и тѣмъ же стихотворнымъ размѣромъ, такъ называемымъ двѣнадцати-слоговымъ стихомъ. Стихъ этого размѣра преобладаетъ у нихъ и также у всѣхъ остальныхъ ближайшихъ поэтовъ на-столько, что можно назвать его

въ сравненіи съ рѣдко употребляемыми стихами другихъ размѣровъ — типичнымъ и господствующимъ. Такимъ образомъ тожество версификаціи возстановляетъ между этими поэтами и ихъ произведеніями то единство и то однообразіе, котораго нѣтъ ни въ содержаніи, ни въ пріемахъ ихъ пѣсенъ.

Приведемъ прежде всего образцы этого размѣра.

Маруличъ:

Дике тер хваљења пресветој Јудити,
смина је створења хоћу говорити.
Зато ћу молити, боже, твоју свитост,
не хтиј ми кратити у том пуну милост (Юдита 1—4).
О душо ка желиш к Богу прити у рај,
да се туј веселиш, оставив живот сај,
ки је пун невоље, пун сваке тораје,
у ком ча је боље, тога при нестаје:
Теб' је од потрибе грихе оставити,
те кено не гибе урехе справити:
уреш' се по свиту, докла си у тилу,
одиј се у свиту не ружну да цилу (Урехе духовне 1—8).

Менчетичъ:

Што ловац лук и стрил, кад у лов гре, носи,
тој ова славна вил' позор лип и коси.
Кад стане потресат златима косами,
кога туј завезат не буде жељами? (I 21).
Под небом ствар већу не желим ни питам,
нер вазда да срећу оваку сусритам (IV 70).
Јак срце од лава, такођер од мене
ова вил' гиздава не има спомене. (VI 28).

Държивъ:

Ка се је јур вила али још госпоја
гиздавја видила и липша нер моја?
Јер ако све воде из мора извиру
тер свуд се расходе и опет уњ збиру:
Тач од ње истичу све гизде задости
и опет све стичу у њези љепости.
А то је свидочно, јак зрачна јур зора
и сунце источно кад сине врх мора (11).

Какъ видно, стихъ состоитъ вездѣ изъ двѣнадцати слоговъ, при чемъ, надо замѣтить, никакія ритмическія соотношенія между отдѣльными слогами не берутся въ разсчетъ; долгота или краткость слога не играетъ никакой роли, точно также не обращается ни малѣйшаго вниманія на удареніе. Нельзя также считать необходимымъ условіемъ, что бы всѣ части одной мысли и одного предложенія помѣщались непремѣнно въ предѣлахъ одного стиха, хотя въ большинствѣ случаевъ на дѣлѣ такъ выходитъ. Поэтому въ концахъ отдѣльныхъ стиховъ почти постоянно видны различные знаки препинанія, обозначающіе остановки мысли. Стихъ этотъ, составленный изъ двѣнадцати слоговъ, дѣлится на двѣ равныя половины, на два полустишія или колѣна, по шести слоговъ въ каждомъ изъ нихъ. Поэтому всегда въ концѣ какъ шестого, такъ и двѣнадцатаго слога долженъ быть и слову конецъ, нужды нѣтъ, односложное ли оно или многосложное. Но перерывъ (стиха) на шестислоговомъ полустишіи не обусловливаетъ перерыва мысли или предложенія. Никто напримѣръ не чувствуетъ потребности логической остановки именно на шестомъ слогѣ въ слѣдующихъ стихахъ Марулича:

Шапка сташе с пером на глави, доли пак...
Ојме, згубих скори му храну, мој труд вас...
После послаше, и став они тихо прида-њ...
Он се руком хита и рече: стан' гори...

Точно такъ и въ ниже слѣдующихъ стихахъ Менчетича и Држича ходъ мысли и въ связи съ ней предложенія не вызываетъ остановки на шестомъ слогѣ:

Кроза-ч се гнјеваш тач још на ме, мој боре...
Да свак зна, ово кад од ње ја услишах...
Размишљам још, рекох, госпође, ја синоћ...
Рекал бих: она је даници луч дала...
Истом ми удили тој, чим се озиваш...
Јак прамен, ки звизда по небу проноси.

Стиховъ этого рода довольно много, хотя надо сказать, что большинство все-таки на сторонѣ тѣхъ, гдѣ послѣ шестого слога

или прямо можно бы поставить знакъ препинанія или же по крайней мѣрѣ можетъ быть допущена небольшая остановка, маленькое, едва замѣтное пониженіе голоса. Но въ томъ и другомъ случаѣ дѣленіе стиха на двѣ половины, на два полустишія или колѣна, усиливается при соединеніи двухъ стиховъ въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ только два стиха, вмѣстѣ взятые, составляютъ одно цѣлое, только въ двустишіи (дистихѣ) выходятъ наружу всѣ условія этого стихосложенія. Одного стиха, отдѣльно по себѣ, нигдѣ и нѣтъ. Даже въ очень рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ строфа состоитъ изъ трехстишія (напримѣръ у Менчетича III. 7, у Држича 12), третій стихъ въ сущности не есть двѣнадцатислоговой особнякъ, а скорѣе два стиха шестислоговые, связанные между собою риѳмою, между тѣмъ какъ у настоящихъ двѣнадцатислоговыхъ стиховъ единство двустишія (дистиха) скрѣплено всегда двойной риѳмой двухъ парныхъ стиховъ, одной въ шестомъ, другой въ двѣнадцатомъ слогѣ. Эта разница видна въ слѣдующихъ примѣрахъ:

У велих је тугах, тко је бил прјеђе благ,
  у злату и слугах, а затим греде наг;
  ну муке ни веће — љувене несреће. (Менч. III. 7).
При може бити лав без лова од звири,
  нер мене да љубав безъ виле замири,
  цић које усишем — и жељно уздишем. (Држ. 12).

III.

Такимъ образомъ выходитъ, что не одинъ двѣнадцатислоговой стихъ, а двѣнадцатислоговое (или же въ иныхъ случаяхъ шестислоговое) двустишіе (дистихъ) представляетъ метрическую единицу данныхъ стихотвореній. Только въ соединеніи двухъ стиховъ въ одно цѣлое выходятъ наружу всѣ характерные признаки размѣра, суть котораго состоитъ именно въ томъ, что двѣнадцатислоговое двустишіе снабжено почти всегда (исключенія

очень рѣдки) двумя риѳмами, одной въ срединѣ, въ шестомъ слогѣ, другой въ концѣ, въ двѣнадцатомъ слогѣ.

О качествахъ этихъ риѳмъ я не намѣренъ обширно распространяться. Она можетъ сосредоточиваться на односложномъ словѣ съ открытой гласной, напримѣръ ни-дни, гре-мре, мни-ни, те-се, то-ко, да-ја, ја-тја, ја-сја и т. д. Иногда только въ одной части риѳмы, т. е. въ одномъ только стихѣ, является слово односложное, напримѣръ зазре-мре, јадовни-дни, цти-липости. Риѳмы этого рода не производятъ хорошаго впечатлѣнія. Гораздо чаще и съ лучшимъ успѣхомъ примѣняется односложная риѳма при закрытой гласной, напримѣръ мед-ред, цвил-вил, тат-врат, пут-кут, ред-злед, глас-час', хип-лип, вик-лик, ћух-дух, звир-мир, и т. д. И здѣсь иногда является односложное слово только въ одномъ стихѣ, въ другомъ же идетъ ему на встрѣчу многосложное слово, напримѣръ помоћ-ноћ, ствар-нехар, мртав-здрав, јес-урес, разум-друм, вил-сатворил, ноћ-немоћ, образ-час, сан-болизан, лав-љубав, жив-снизив, вал-уписал, стал-процвал, глас-облас, бит-говорит, и т. д. Многосложныя слова съ обѣихъ сторонъ риѳмуютъ довольно часто своими послѣдними слогами: гришник-чловик, одриш'-узвиш', тројство-отајство, и т. д. И эти риѳмы не производятъ важнаго эффекта, онѣ же встрѣчаются, какъ мнѣ кажется, чаще у Марулича, чѣмъ у Менчетича. Самой правильной считается двуслоговая риѳма, въ родѣ слѣдующихъ: сузи-пузи, пуне-куне, плача-мача, радос-младос, боже-може, златом-платом; или же риѳмуются по два слога многосложныхъ словъ: захвалит-пожалит, мразом-поразом, молю-неволю, споменем-повенем и т. д. Наконецъ есть риѳмы, гдѣ только гласные поддерживаютъ необходимую гармонію, согласныя же не подчиняются сполна словамъ, напримѣръ: управ-љубав, намирих-раздилих, кусим-сузим, образом-украсом, и т. д.

IV.

Стихотворный размѣръ, здѣсь вкратцѣ описанный, господствуетъ какъ у Марулича или Менчетича и Държича, такъ и у древнѣйшихъ поэтовъ острова Хвара (у Луція, Гекторовича), и у всѣхъ ближайшихъ преемниковъ этого старшаго поколѣнія. Возникаетъ любопытный вопросъ, какимъ путемъ всѣ эти поэты дошли до упомянутаго размѣра, въ силу какихъ причинъ и обстоятельствъ всѣ они остановились на выборѣ того же размѣра съ тѣми же ритмическими подробностями?

Долгое время никто и не ставилъ этого вопроса. Потомъ же, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ наблюденій надъ діалектическими особенностями языка этихъ первыхъ поэтовъ, развилась теорія такого рода, что Маруличъ, будучи вообще родоначальникомъ славянской поэзіи въ Далмаціи, повліялъ также своимъ стихотворческимъ искусствомъ, что отъ него этотъ размѣръ передавался далѣе всѣмъ остальнымъ древнѣйшимъ поэтамъ, особенно же Дубровницкимъ, Менчетичу и Държичу, потомъ поэтамъ Хварскимъ, и т. д. Теорія эта поддерживалась еще нѣкоторыми другими соображеніями, напримѣръ мнимыми заимствованіями языка его, т. е. доказывалось, что Менчетичъ и Държичъ заимствовали отъ Марулича не только стихотворный размѣръ, но также многія особенности языка. Однимъ словомъ на Марулича смотрѣли какъ на первый и главный источникъ всей послѣдовавшей поэзіи. Но это воззрѣніе, раздѣлявшееся еще лѣтъ десять тому назадъ всѣми, не выдерживаетъ критики теперь; высказанное слишкомъ неопредѣленно, оно не удовлетворяетъ насъ въ настоящее время уже потому, что не можетъ быть доказано. Несмотря на очень слабую разработку исторіи южно-славянской литературы, мы теперь все-таки убѣждены въ томъ, что и въ Сплѣтѣ и въ Дубровникѣ существовали попытки славянскаго стихотворчества за долго до Марулича и Менчетича - Държича, хотя онѣ мо-

жетъ быть и не принимали тогда еще характера дѣятельности литературной, а были лишь скоро увядаемые и исчезаемые цвѣтки семейныхъ и общественныхъ празднествъ.

Такимъ образомъ все-же остается открытымъ вопросъ, откуда достался упомянутый выше размѣръ двѣнадцатислоговыхъ стиховъ Маруличу и Менчетичу-Држичу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ задался рѣшеніемъ этого вопроса, по моимъ совѣтамъ, одинъ изъ бывшихъ моихъ вѣнскихъ слушателей, Давидъ Ковачевичъ. Выходя изъ предположенія, въ которое тогда еще всѣ вѣрили, что Маруличъ былъ родоначальникомъ всей послѣдовавшей поэтической дѣятельности, вѣрно опредѣляя характеръ его поэзіи, какъ чего-то вполнѣ зависимаго отъ средневѣковой литературы христіанской, г. Ковачевичъ сталъ искать слѣдовъ вліянія именно средневѣковой латинской поэзіи, въ частности церковныхъ гимновъ, на стихотворческое искусство Марулича. Но поиски его не увѣнчались успѣхомъ. Изъ двухъ отрывочныхъ статеекъ, помѣщенныхъ въ хорватскомъ еженедѣльникѣ «Vienac» (за 1891 годъ, на стр. 443, подъ заглавіемъ: Slikovani dvanaesterac, и на стр. 507: Prilog k historiji hrvatske metrike) получается лишь отрицательный результатъ, т. е. Ковачевичу не удалось доказать, что Маруличъ воспользовался для двѣнадцатислоговаго, двумя риѳмами скрѣпленнаго двустишія (дистиха) готовыми образцами латинскими, хотя нѣкоторыя аналогіи имѣются какъ напр. въ Daniel, Thesaurus II 371:

Ego quae perii, ovis sum misera;
A fauce tartari me Jesu libera!

Въ этомъ двустишіи видна риѳма и въ концѣ (misera-libera), и отчасти въ срединѣ (perii-tartari). Но вообще подобныхъ аналогій слишкомъ мало и онѣ слишкомъ слабы для того, чтобы могли склонить насъ къ убѣжденію, что именно здѣсь, въ соотвѣтствующемъ стихѣ латинскихъ гимновъ, кроется источникъ Маруличева стихотворческаго искусства. Къ этому сомнѣнію относительно главнаго положенія присоединяются еще сообра-

женія хронологическія, не поддерживающія мысли о томъ, чтобы Менчетичъ и Држичъ могли заимствовать этотъ размѣръ отъ Марулича. Хотя нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить время, когда Маруличъ сталъ писать стихи по-хорватски, но судя по всему характеру его литературной дѣятельности, онъ не брался за это, какъ я уже сказалъ, раньше 1500 года. О Менчетичѣ же и Държичѣ существуетъ прямое свидѣтельство въ сохранившемся канцоньерѣ Николы Ранины, что въ 1507 году — время написанія этого канцоньера — дѣятельность обоихъ поэтовъ считалась уже законченной. Поэтому не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что главная часть ихъ стиховъ — любовныя пѣсни — была написана уже въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій XV столѣтія, стало быть въ то время, когда Маруличъ по всей вѣроятности еще не былъ занятъ хорватскими стихами.

Догадки, высказанныя г-номъ Ковачевичемъ, встрѣтили столь мало сочувственнаго отзыва, что нѣсколько лѣтъ спустя другой изъ бывшихъ моихъ вѣнскихъ слушателей, Петръ Крековичъ, сталъ доказывать какъ разъ наоборотъ, что двѣнадцатисложовой стихъ у Марулича не что иное какъ подражаніе Менчетичу и Държичу! Статья его, лучше разработанная, чѣмъ отрывочныя сообщенія г. Ковачевича, даже заключающая въ себѣ нѣсколько хорошихъ данныхъ по отношенію къ италіанской поэзіи, появилась въ томъ же еженедѣльникѣ «Vienac» въ 1893 году, въ номерахъ 1—10, подъ заглавіемъ: «O strofama prvih hrvatskih pjesnika». Но и въ аргументаціи г-на Крековича въ пользу первенствующей роли въ этомъ стихотворчествѣ Менчетича и Държича я вижу только голословныя соображенія въ родѣ слѣдующихъ: «Коротенькія любовныя пѣсни нашихъ трубадуровъ (т. е. Менчетича и Държича) должно быть очень скоро сдѣлались популярными, онѣ легко списывались и устнымъ путемъ распространялись; уже въ восьмидесятыхъ годахъ (XV столѣтія) онѣ стали извѣстны всему приморію. Слава обоихъ поэтовъ могла проникнуть вмѣстѣ съ ихъ поэзіею и въ Сплѣтъ, быть можетъ еще до возвращенія Марулича домой (изъ Италіи). Когда

этотъ ученый рѣшился передѣлывать свою мудрость на хорватскій ладъ, для назиданія своихъ соотчичей, онъ воспользовался популярностью этихъ любовныхъ стиховъ какъ средствомъ, чтобы сдѣлать свои мысли читателямъ болѣе доступными и пріятными». Все это — пустословіе, не основанное ни на чемъ. Такъ наприм. предположеніе, что пѣсни Менчетича-Държича были распространены по всей Далмаціи, не можетъ быть подкрѣплено ни однимъ фактомъ, тогда какъ множество ихъ говоритъ противъ такого взгляда. Достаточно указать на очень ограниченное число рукописей (собственно только одна, сборникъ Ранины), въ которыхъ эти пѣсни сохранились до нашего времени. Кромѣ того, какъ я уже замѣтилъ выше, Маруличъ, еслибъ и могъ, не хотѣлъ бы *ничего знать о любовныхъ стихахъ* дубровницкихъ трубадуровъ, они не соотвѣтсвовали его вкусу, онъ гнушался бы ими уже по своей глубокой религіозности, и не захотѣлъ бы даже во внѣшней формѣ, въ размѣрѣ, подражать такимъ недостойнымъ образцамъ.

V.

Но если нельзя отрицать тожества стихотворнаго размѣра въ поэзіи Марулича и Менчетича-Държича, заимствованіе же его въ томъ или другомъ направленіи не представляется вѣроятнымъ, то мы должны притти къ другому выводу и полагать, что причина этого неоспоримаго единства кроется гораздо глубже, въ одномъ общемъ *для всѣхъ ихъ источникѣ*, въ окружавшей ихъ средѣ, во вкусахъ и пріемахъ тогдашняго городского населенія, въ которомъ какъ разъ въ то время происходило сліяніе двухъ стихій, славянской и романской, въ одинъ новый типъ съ преобладающими чертами славянскими, но съ нѣкоторою долею примѣси романской. Не сразу удается скрещиваніе двухъ національностей, стало быть и двухъ народныхъ поэзій, разницу между которыми можно еще до сихъ поръ наблюдать въ разныхъ

пунктахъ Адріатики. Но во всякомъ случаѣ починъ идетъ отъ городовъ, въ особенности такихъ, какъ Сплѣтъ и Дубровникъ. Такъ кажется мнѣ и относительно выше изложеннаго размѣра поэзіи славянской въ Далмаціи, что это въ основѣ своей народный стихъ славянскій, только музыкальная потребность риѳмы навѣяна ему вкусами романскими. Употребленіе риѳмы для увеличенія и подъема музыкальнаго эффекта представляется мнѣ дѣломъ вліянія романскаго. Въ народной поэзіи славянской, не заразившейся еще вкусами романскими, можно было обойтись безъ риѳмы, не чувствовалась потребность ея. Но другое дѣло— населеніе городское, сдѣлавшееся очень рано, по крайней мѣрѣ отчасти, двуязычнымъ. Оно вскорѣ полюбило это увеличеніе музыкальности стиха, знакомясь съ нимъ то черезъ латинскіе церковные гимны, то черезъ италіанскую поэзію. Надо полагать, что городскіе стихотворцы, украшавшіе по обычаю романскому различные моменты семейной и общественной жизни— а та и другая теперь уже ославянились—произведеніями своего вдохновенія, уже давно, т. е. раньше и Марулича въ Сплѣтѣ и Менчетича-Държича въ Дубровникѣ, сочиняли стихи, небольшія пѣсни, съ примѣненіемъ двѣнадцатислогового размѣра (или если хотите считать по колѣнамъ, шестислогового), но съ прибавкою риѳмы то въ концѣ стиховъ, то у каждаго шестого слога. Такимъ образомъ размѣръ этотъ, свойственный народной поэзіи далматинскихъ славянъ (хорватовъ), съ видоизмѣненіемъ ритмическимъ, вошелъ въ ходъ и сдѣлался мало-по-малу общеупотребительнымъ уже въ то время, когда еще не выступили въ Сплѣтѣ и въ Дубровникѣ первые поэты, поднявшіе это не ими выдуманное стихотворческое искусство до значенія дѣятельности литературной, снявъ съ него характеръ случайнаго, минутнаго развлеченія.

VI.

Въ правѣ ли мы говорить о двѣнадцатислоговомъ размѣрѣ какъ о стихѣ народномъ тѣхъ странъ? Въ литературныхъ памятникахъ XV—XVI столѣтій нѣтъ примѣровъ, подтверждающихъ эту догадку, или — почти нѣтъ. Послѣдняя оговорка основывается на фактѣ, что между пѣснями, напечатанными мною въ приложеніи къ стихотвореніямъ Менчетича и Држича (на стр. 505—512), — онѣ отдаютъ несомнѣнными признаками народнаго творчества — одна пѣсенка составлена дѣйствительно въ двѣнадцатислоговомъ размѣрѣ. Это колядка слѣдующаго содержанія и формы:

Прилјепа дјевојка — од рода прибјегла,
а за њом за њоме — на ките сватове;
Гди је достигоше, — трава зеленјеше,
гди ш њом почиваше, — винце жуберјеше;
гди ју доведоше, — двори процафтјеше;
брата одобрише, — стада раширише.
У свем бог поможе — и нас да поможе (№ 10).

Всѣ прочіе примѣры упомянутаго приложенія уклоняются относительно стихотворнаго размѣра нѣсколько въ сторону. Стоитъ однакожъ упомянуть, что шестислоговое полустишіе все-таки и здѣсь повторяется нерѣдко, по крайней мѣрѣ какъ напр. въ № 1 вторая часть цѣлаго стиха изображаетъ шестислоговое полустишіе въ слѣдующемъ видѣ:

Дјевојка ходи — по зелени трави,
круницу носи — од рожиц на глави.
Очима мени — срдачце замами,
да срце гори — љувенима плами и т. д.

Въ № 2:

Дјевојка је подранила — ружицу је брала,
с босилком ју разбирала — трудна је заспала.
Над њом поју два славица — дјевојку су звала:
устан гори дјевојчица — санка не заспала и т. д.

Сл. такой же размѣръ еще въ № 3, 5; а съ № 1 совпадаетъ № 6, только съ прибавкою восьмислогового стиха въ началѣ, вотъ такъ:

Вила j' мома три вjеначца,
Пелинак бере—ружицу просипљe.
Јeдан j' вила од траторка,
Пелинак бере—ружицу просипљe и т. д.

Итакъ съ шестислоговымъ полустишіемъ была знакома уже древнѣйшая народная поэзія, — если считать эти образцы отголосками народной поэзіи XV столѣтія—употреблявшая его какъ вторую часть метрической единицы, рядомъ съ предшествующимъ ей то шестислоговымъ, то пятислоговымъ, то восьмислоговымъ колѣномъ. Изъ всѣхъ разновидностей въ размѣрѣ тогдашнихъ народныхъ стиховъ городского сословія былъ несомнѣнно самымъ любимымъ типъ первый, состоящій изъ двухъ шестислоговыхъ полустишій. На немъ-то и остановились тогдашніе поэты.

Бывшую въ то время популярность этого стиха нельзя конечно доказать или засвидѣтельствовать прямыми образцами изъ народной поэзіи того времени, потому что ихъ нѣтъ; они не сохранились, никто не записалъ ихъ. Но на то есть косвенныя доказательства. Мы почерпаемъ ихъ изъ живого источника процвѣтающей до сихъ поръ народной поэзіи хорватской въ приморскихъ странахъ Адріатики. Въ 1885 году вышла въ Сплѣтѣ маленькая книжечка народныхъ пѣсенъ, записанныхъ изъ устъ народа ближайшей окрестности города Сплѣта, отчасти даже въ самомъ городѣ: Marjanska vila ili zbirka narodnih pjesama sakupljenih u Spljetu. Собиратель нѣкто Караманъ. Въ этой книжкѣ вы встрѣтите множество маленькихъ любовныхъ пѣсенъ, размѣръ которыхъ состоитъ изъ шестислоговыхъ стиховъ, или если хотите полустишій: по первому счету выходятъ строфы, состоящія изъ четырехъ шестислоговыхъ стиховъ, гдѣ почти всегда видна риѳма между 2 и 4 стихомъ (иногда также между 1 и 3); по второму же счету это будутъ двѣнадцатислоговыя двустишія (дистихи) съ

риѳмой въ концѣ, изрѣдка въ срединѣ стиха. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, въ передачѣ которыхъ мы придерживаемся дѣленія на дистихи, т. е. соединяемъ по два полустишія въ одинъ двѣнадцатислоговой стихъ:

Зградиħу ја куħу — покрај сињег мора,
покрити је оħу — листон од јавора (стр. 14).
Дај ми се напити — те ладне водице,
коју си донила — при биле зорице.
Ниман је ни капје — лице сан умила,
што мије остало — цвиħе сан залила (стр. 18).
Да није јубави, — не би сунце сјало,
ни тебе ни мене — не би огријало (стр. 23).
Ко м' од драга мрази — његовон липотон
растави га боже — душон и животон (стр. 26).
А ти ниси тако — о мени мислила,
него наопако — мени одвратила.
Ниси ми казала — јубав виренице
нег си је тајала — неарна младице.
Ма освете неħу — ја зато искати,
нег моју несриħу — сам ħу проклињати и т. д.
(стр. 28—29).

Сл. тамъ же пѣсни лирическія еще на стр. 36. 38—39. 43—44. 45. 51—52. 53—54. 56. 60—61. 62—64. 66. 67. 71—75. 76. 77. 79. 80—82. 83—85. 87. 89—91. 99. 102. 104. 106—107. 108—110.

И въ стихахъ городского происхожденія, сочиненныхъ по порученію или на особые случаи, встрѣчается этотъ размѣръ; сл. напр. на стр. 145—147:

Круна од бисера — неизмирна блага,
Ти послидњи дарак — њезиного драга.
Кад су је изнили — ванка била двора,
цвиħем обасута — кано лити гора и т. д.

Этотъ размѣръ виденъ также въ «напитницахъ» (здравицахъ, на стр. 211—218) и въ двустишіяхъ (на стр. 219—232), содержащихъ остроумныя изреченія, напр. подъ № 1. 2. 5. 7.

11. 13. 15. 20. 23. 25. 29. 32. 33. 40. 47. 53. 54. 55. 59. 63. Вотъ одинъ примѣръ вмѣсто всѣхъ:

Спомен' се од мене — мој мили Дунају,
а ја ћу од тебе — кад будем у рају. (№ 55).

Стихи этого размѣра распространены по всей Далмаціи, внѣ узкихъ предѣловъ Сплѣта и его окрестностей. Въ изданіи «Vienac uzdarja narodnoga» (Zadar 1865) я наткнулся въ собраніи покойнаго Казали на слѣдующіе стихи, въ которыхъ слышенъ даже своего рода отголосокъ старыхъ поэтовъ:

Јаворе зелени — којпод гором стојиш,
Кажи право мени — за кога се гојиш (стр. 153).

Или же сличите тамъ же слѣдующіе стихи съ острова Кърка (Veglia):

Б'јела голубице — имена слаткога,
зв'јездо и данице — жељо срца мога:
Када те ја видим — у танцу, св'јете мој,
сам себи се чудим — да сам ја слуга твој (158).

Въ книжечкѣ Андр. Юранича «Vienčić» (Zadar 1865) вы найдете «напитницу» слѣдующаго содержанія и вида (на стр. 29):

Невестице млада — ка си на 'вом пиру,
Бог ти дал живити — много лет у миру.

Сл. еще на стр. 33:

На воду се справља — јунак и дивојка,
да ки прво приде — да другога чека.

Или же: Почела је правда — свин свитон владати,
почели су људи — лажи веровати:
Ој људи лажљиви — ча сте учинили,
кад сте ви двих драгих — младих раздилили.

(Къ этой пѣснѣ имѣется параллель въ № 16 ниже упоминаемаго истрійскаго сборника).

Сл. тамъ же на стр. 35—40. 41—44 и т. д. Къ стихамъ по адресу молодыхъ Рѣчанокъ (обитательницъ города Рѣка = Fiume), на стр. 47—48, можно для сличенія указать на парал-

лель, напечатанную еще въ 1847 году, въ собраніи Ивана Кукулевича: Pěsme Ivana Kukuljevića Sakcinskoga. S dodatkom narodnih pěsamah puka hàrvatskoga, на стр. 167. Размѣръ вездѣ тотъ же шестислоговой, попадаются и риѳмы, но безъ правильнаго употребленія.

Тѣ же пріемы стихотворчества видны также въ народныхъ пѣсняхъ, напечатанныхъ въ книжечкѣ Микуличича (Narodne pripovietke i pjesme iz hrvatskoga Primorja. Pribilježio ih čakavštinom Fran Mikuličić. U Kraljevici 1876) на стр. 146. 148. 150. 151—153. 157—162. Точно такъ въ книжечкѣ Ст. Мажуранича (Hrvatske narodne pjesme. U Senju 1876) на стр. 166. 170. 175. 178. 179. 181. 183. 195.

Въ народныхъ пѣсняхъ, собранныхъ въ Истріи и по островамъ, также очень распространенъ этотъ размѣръ, но риѳмы не часты, сл. напр. № 1. 2. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13 и т. д. второго отдѣленія, содержащаго женскія пѣсни (Hrvatske narodne pjesme što se pjevaju po Istri i kvarnerskih otocih, preštampane iz «naše sloge». U Trstu 1879). Издатели передаютъ эти стихи въ печати безъ различія, то какъ шестислоговые, то какъ двѣнадцатислоговые. Въ послѣднемъ видѣ напечатаны № 2. 6. 7. 12. 13. 14. 15. 17. 18. 19. 21. 26. 29. 51. 52. 53. 54. 57. 87. 108. 113. 115. 116. 117. 120. 122. 123. 135. 142. 143. 167. 169. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Прошла сан на море — море спрогљедати,
Зидох на стенчицу — обличих плавчицу,
З леванта ходеђи — з леванта јадређи
На двисто весалац — на тристо јадарац и т. д. (№ 2).
Јеленина мајко — кади ти је Јеле?
Моја је Јелина — на мутном Дунају.
На мутном Дунају — било рухо пере,
Било рухо пере — мој злат прстен дере и т. д. (№ 6).
Када се је Маре — удати хотила,
Густо пути Маре — на окно ходила.
Под окном шеташе — два преска властела и т. д. (№ 12).
Кунтрадо широка — веле си ми дуга,

веле си ми дуга — побије ме туга и т. д. (№ 14).
Кострењчице младе — носте се охоло
Пак те вам завидет — сви гради около.
Пак те дојти фанти — за вас оженити,
И вам те девојкам — тако говорити и т. д. (№ 26).

VII.

Съ приморскихъ странъ подвинемся дальше на сѣверъ, потому что и полоса этого размѣра ведетъ насъ туда: идя черезъ западную Хорватію, она заходитъ въ Венгрію, къ тамошнимъ хорватамъ и захватываетъ хорватскія колоніи Нижней Австріи (Nieder-Oesterreich). Сл. въ изданіи Кукулевича на стр. 193 кайкавскую пѣсню изъ Буковца, на стр. 197, 203—204 такія же изъ Топлицъ, на стр. 211, 216, 218 изъ Загорья, на стр. 231 изъ Трновы, на стр. 230 изъ Медюмурія, на стр. 172—175 изъ Нижней Австріи. Во всѣхъ здѣсь цитуемыхъ примѣрахъ размѣръ стиха тотъ же шестислоговой. Но самое богатое количество народной поэзіи этого размѣра вы найдете въ «Jačke», изданіи народныхъ пѣсенъ угорскихъ хорватовъ, собранныхъ Фр. Курелцемъ (Jačke ili narodne pěsme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga po župah Šoprunskoj, Mošonjskoj i Želěznoj na Ugrih. Skupio Fran Kurelac. Zagreb 1871). Въ этомъ сборникѣ напечатаны въ видѣ шестислоговыхъ стиховъ любовныя пѣсни подъ № 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 300. 301; въ видѣ двѣнадцатислоговыхъ стиховъ подъ № 68. 69. 70. 71. 72. 73 и слѣд. по 196— множество великолѣпныхъ примѣровъ; и опять тамъ же пѣсни подъ № 235—265, 281—297, 322—410, 413—436. Въ этой поэзіи двѣнадцатислоговой стихъ пріобрѣлъ на столько преобладающее значеніе, что онъ завладѣлъ даже пѣснями сказочнаго и повѣствовательнаго характера, сл. тамъ же № 452—482, 491—494, 496—502. Замѣтимъ кстати, что и въ чешско-мо-

равско-словацкой народной поэзіи, въ особенности въ пѣсняхъ эпическихъ (балладахъ), очень часто встрѣчается этотъ размѣръ. Сл. у Сушила № 86. 90. 91. 97. 99. 100. 101. 103. 104. 118. 124. 125. 129. 133. 134. 137. 141. 144. 145. 146. 147. 149. 150. 153. 157. 159. 162. 163. 165. 166. 183. Бартошъ соединяетъ иногда въ такихъ случаяхъ по два шестислоговые стиха въ одинъ двѣнадцатислоговой, см. въ его изданіи 1889 года (Národní písně moravské v nově nasbírané) № 11. 16. 21. 23. 41. Тоже самое видно въ изданіи словацкихъ пѣсенъ и напѣвовъ (Slovenské spevy) № 8. 59. 61. 91. 118. 123. 201. 203. 211. 214. 216. 217. 219. 226. 231. 270. 280. 288. 291. 292. 302. 364. 371. 372. 392. 399. 413. 435. 452. 458. 470. 484. 502. 506. 539—565. Съ двустишіями послѣднихъ нумеровъ, озаглавленными Krakoviaky, вполнѣ совпадаютъ упомянутыя мною выше двустишныя изреченія въ сборникѣ сплѣтскомъ Карамана, только Караманъ напечаталъ свой текстъ въ видѣ шестислоговыхъ тетрастиховъ, между тѣмъ какъ въ словацкомъ изданіи изъ этого сдѣланы двѣнадцатислоговые дистихи. Я даю предпочтеніе послѣдней формѣ и нахожу подтвержденіе ея уже у Менчетича, гдѣ вы найдете подобнаго рода дистихи въ II. 38. 78. 79. 80, III. 15. 22, IV. 24. 26. 70. 74. 75, V. 55, VI. 9. 20. 28. 53. 54. 55. И въ этихъ дистихахъ обыкновенно высказываются общія изреченія, конечно почти всегда съ примѣненіемъ къ любовному положенію поэта.

Въ сербской народной поэзіи, собранной Вукомъ Караджичемъ, размѣръ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, попадается вообще, довольно рѣдко, преимущественно въ обрядовыхъ пѣсняхъ, напр. въ такъ называемыхъ, «кралицкихъ», сл. № 159—183 I-го тома. Но не всякая изъ этихъ пѣсенъ шестислогового размѣра могла бы быть сведена къ двѣнадцатислоговымъ стихамъ. Это можно бы сдѣлать напр. въ 176, гдѣ получилось бы двѣ строфы двѣнадцатислоговыхъ стиховъ:

Oj снашице Недо! откуп' ово чедо!
Ако ли га млада откупити нећеш,

ми ћемо г' однети там у нашу земљу.
Там у нашоj земљи по два сунца греjу,
по два сунца греjу, по два ветра веjу;
чедо нама треба као струк босиљка.

Сл. еще шестислоговую обрядовую пѣсню у Вука I. № 201. 223а. Изъ любовныхъ сюда относится пѣсня подъ № 294, съ которою можно сопоставить у Петрановича № 233 (сараевскаго изданія); далѣе №№ 346. 360. 457. 458. 537. 543. 570. 670. 677. И Вукъ напечаталъ нѣсколько разъ стихи этого размѣра въ видѣ двѣнадцатислоговыхъ, такъ № 542 (рядомъ съ этимъ въ 543 онъ оставилъ шестислоговые стихи, хотя сюжетъ тотъ же самый), №№ 561. 596. 663. Стоитъ напомнить, что значительная часть пѣсенъ этого размѣра въ сборникѣ Вуковомъ происхожденіемъ изъ Далмаціи (такъ 458. 543. 570. 677, вѣроятно также 663). У Петрановича принадлежатъ сюда еще №№ 320 и 360. Между «бачванскими» пѣснями (Бачванске песме, скупио и издао Стеван Бошковић. У Новом Саду 1863) нѣтъ ни одной этого размѣра. Между «банатскими» (Банатске песме, скупио П. Т. У Новом Саду 1866) принадлежатъ сюда только три-четыре: №№ 34. 40. 125. 131. 166. У Луки Илича (Narodni slavonski običaji. Zagreb 1846) попадается шестислоговой стихъ иногда въ обрядовыхъ пѣсняхъ, на стр. 138. 139. 146—149—152. 205. Въ срѣмскихъ пѣсняхъ (Српске народне песме скупио по Срему Б. М. Панчево 1875) я нашелъ нашъ размѣръ только въ одной юмористической пѣснѣ (изъ животнаго эпоса) на стр. 50, потомъ мелочи на стр. 63. 64. 67.

Уже изъ этихъ сопоставленій, не имѣющихъ притязанія на полноту изложенія, можно сдѣлать довольно важный выводъ: шестислоговой стихъ, или въ соединеніи ихъ двухъ въ одинъ двѣнадцатислоговой, господствуетъ только въ западной части, у хорватовъ, еще до сихъ поръ, между тѣмъ какъ на востокѣ, у сербовъ, этотъ стихъ вытѣсненъ, какъ мнѣ кажется, обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ, десятислоговымъ. Остались лишь

незначительные обломки его, сохранившіеся преимущественно въ обрядовыхъ пѣсняхъ.

Древность и подлинность этого размѣра не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, она засвидѣтельствована указаннымъ выше фактомъ, что онъ хорошо извѣстенъ также въ народной поэзіи чеховъ, моравanъ и словаковъ. Прибавимъ еще, что знаютъ его и болгаре. Въ сборникѣ народныхъ пѣсенъ македонскихъ болгаръ у Верковича (Народне песме македонски бугара. У Београду 1860) попадаются стихи шестислоговые довольно часто: №№ 26 (лѣтай пеперуго), 28 (Свири Нено, свири), 29 (Доне добре Доне), 33 (Юначе юначе), 51 (Недо бела Недо), 61 (Ней море дивойко), 69 (Маруше, Маруше), 92 (Дано гюзелъ Дано), 109 (Гюрге кадунъ Гюрге); сл. еще 114. 118. 121. 123. 139. 154. 155. 159. 168. 188. 190. 193. 202. 209. 259. 260. 274. 276. 311. И Верковичъ напечаталъ нѣсколько разъ по два стиха вмѣстѣ какъ одинъ двѣнадцатислоговой, напр. №№ 210. 292. 295. 299. Братья Миладиновцы предпочли почти всегда дать своимъ текстамъ этого размѣра видъ двѣнадцатислоговыхъ стиховъ, напр. №№ 2. 74. 75. 151. 169. 229. 231. 245. 267. 296. 308. 321. 328. 336. 353. 363. 366. 378. 379. 384. 390. 397. 408. 409. 410. 423. 429. 441. 452. 469. 474. 496. 565. 616. 617.

Въ Болгаріи двѣнадцатислоговой текстъ попадается также въ пѣсняхъ эпическаго содержанія, въ особенности въ восточныхъ странахъ, сл. напр. изъ Търнова въ сборн. минист. II, стр. 138. 139, III. 112; у Безсонова напечатаны въ видѣ шестислоговыхъ стиховъ эпическія пѣсни №№ 5. 26—29. У Богорова (Български народни пѣсни, брой 1. Софія 1879) № 39. Дозонъ (Български народни пѣсни, Paris 1875) приводитъ подъ № 42 одну эпическую пѣснь этого размѣра. Но въ большинствѣ случаевъ все-таки не эпическія, а обрядовыя пѣсни обнаруживаютъ этотъ размѣръ. Въ минист. сборникѣ я отмѣтилъ себѣ образцы этого размѣра изъ Македоніи II. 30. IV. 62. 63. IX. 89. XI. 65. 66; изъ Аха-Челеби IX. 45; изъ Кратова II. 61, изъ Дуп-

ницы V. 69. VII. 29. 30. 32. VIII. 72; изъ Джумаи VI. 41, изъ Ихтимапа V. 30. 32. VI. 39. 40. IX. 26, изъ Царяброда XI. 9. 11. 12. 14. 15, изъ Тетевена VI. 49; изъ Пирдопа V. 53, изъ Панагюришта I. 48, изъ Търнова III. 43. VI. 22. 23; изъ Чирпана VII. 34; изъ Рупчосъ II. 41. 55. 57. IV. 52. 53; изъ Трѣвна VII. 93. 94. 95; изъ Ловча VI. 47; изъ Хаджіоглу Пазарджика III. 33, изъ Османъ Пазара VI. 77, изъ Хаскова VII. 81. Въ сборникѣ Ильева попадается этотъ размѣръ въ обрядовыхъ пѣсняхъ: №№ 130. 139. 159. 162. 168. 169. 179. 187. 188. 208. 209. 226. 249. 259. 273. 288. 289. 290. 296. 301. 322. У Дозона №№ 57. 74. У Богорова №№ 6. 12. 25. Въ сборникѣ Бончева (Варна 1884) №№ 26. 62. 64. 67. 82 (эпическія?) 87. 91. 92. У Чолакова на стр. 303 (№ 47). 325 (№ 69). 355 (№ 116). Въ Період. списаніи кн. XIII, стр. 148, кн. XV, стр. 434—5. 435—6, кн. XVI. 153 (эпическая), кн. XVII. 320, кн. XXXIX, стр. 465. 466, кн. XL, стр. 655. 657.

VIII.

Этого бѣглаго обозрѣнія, кажется, достаточно для того, чтобы вѣрить въ оригинальность, въ зарожденіе на домашней, славянской почвѣ, шестислогового и двѣнадцатислогового стиха далматскихъ поэтовъ. Онъ напрашивался самъ собою и они воспользовались имъ какъ для легендарной эпики (Маруличъ), такъ и для любовной лирики (Менчетичъ и Държичъ). Въ стихотвореніяхъ городского сословія къ этому стиху примкнула риѳма, подъ вліяніемъ, какъ я уже сказалъ, поэзіи италіанской, на подобіе италіанскихъ канцонетъ и баллатинъ. Наши поэты согласились и на это требованіе городского вкуса, хотя свободное движеніе этимъ въ значительной мѣрѣ было стѣснено. Но они отнеслись къ этой своей задачѣ различно.

Менѣе другихъ позаботился о разнообразіи стихотворче-

ской техники Менчетичъ. У него главное различіе во внѣшнемъ объемѣ, т. е. въ числѣ стиховъ, во всемъ остальномъ пѣсни его на одинъ ладъ. Какъ было уже замѣчено, у него имѣются пѣсни, состоящія изъ одного двустишія, онѣ перечислены выше. Чаще попадаются по два дистиха, ихъ 41; объемъ 6-ти стиховъ найденъ мною только въ одной пѣсни. Самое большое количество состоитъ изъ восьми стиховъ (т. е. изъ двухъ строфъ, въ каждой по четыре стиха); такихъ насчитывается 229. Эти пѣсни, характерныя для Менчетича, напоминаютъ такъ называемые Strambotti италіанской литературы, гдѣ тоже объемъ пѣсни состоялъ обыкновенно изъ четырехъ дистиховъ одиннадцатислогового стиха. По десяти стиховъ заключаютъ въ себѣ 31 пѣсню, по двѣнадцати (т. е. обыкновенно 3 строфы) 42 пѣсни. Изъ четырнадцати стиховъ слагается, какъ извѣстно, сонетъ, но риѳма доказываетъ, что Менчетичъ не сочинялъ сонетовъ (настоящіе сонеты принадлежатъ Държичу, сл. на стр. 445 и въ приложеніи на стр. 499—501, №№ 77—80). Пѣсни, состоящія изъ 16-ти стиховъ, т. е. изъ четырехъ строфъ, въ каждой по четыре стиха, послѣ упомянутыхъ выше восьмистишныхъ, самыя многочисленныя, ихъ насчитывается 81. Стиховъ 18 имѣется въ 3 пѣсняхъ, 20 стиховъ въ 24 пѣсняхъ, 22 стиха въ одной, 24 стиха въ 16 пѣсняхъ, 26 стиховъ въ одной, 28 стиховъ въ 13 пѣсняхъ, 32 стиха въ 10 пѣсняхъ, 36 стиховъ въ 8 пѣсняхъ, 40 стиховъ въ 6 пѣсняхъ. Всѣ остальныя пѣсни, объемомъ стиховъ длиннѣе этихъ, представлены только въ одномъ примѣрѣ или въ двухъ; только объемъ 48-ми стиховъ повторяется три раза. Стихи эти въ большинствѣ случаевъ составляютъ строфы, тетрастихи, т. е. по четыре стиха въ одной строфѣ; только разъ у Менчетича строфа составлена изъ трехъ стиховъ (какъ уже замѣчено выше, третій стихъ собственно разлагается на два шестислоговые, риѳмой связанные стиха). Иногда стоятъ въ началѣ и концѣ пѣсни по одному дистиху, по серединѣ же между ними помѣщаются строфы, состоящія изъ тетрастиховъ. Это расположеніе стиховъ напоминаетъ отчасти то, что въ италіан-

ской баллатѣ называется ripresa и volta (сл. I. 40. II. 36. 50. 71. 103. III. 75. 80. 88. IV. 22. 51. V. 43. 48. 51. VI. 2. 12. 19. 34. 41). У нашего автора нѣтъ въ содержаніи оправданія для такого расположенія стиховъ, но оно въ большинствѣ случаевъ вызвано потребностями акростиха. Такъ какъ акростихъ слагается изъ начальныхъ буквъ каждаго перваго стиха въ строфѣ, то имъ опредѣляется и число строфъ. Менчетичъ очень любилъ игру въ акростихи. Впрочемъ, въ употребленіи риѳмъ онъ не соблюдалъ никакихъ правилъ чередованія; только недавно я замѣтилъ, что у него (а также и у Държича) иногда повторяются въ концѣ пѣсни (въ двухъ послѣднихъ стихахъ) тѣ же риѳмы, которыя были уже въ началѣ, въ 1—2 стихахъ. Сл. I. 4. 59. 90. 96. III. 4. IV. 23 повтореніе риѳмы сунчце-срдачце, въ I. 11: диклице-лице, въ I. 67: боже-може; въ II. 55: поју-госпоју; въ II. 67: походим-пригодим, находим-пригодим; въ III. 30: створ-нехар, хар-створ; въ III. 75: љубав-прав, прав-љубав; въ V. 63: рекал-стекал, стекал-рекал. Сл. еще при неполномъ тожествѣ формъ II. 48. 118, III. 41. 49. 50. 105, V. 36. 33.

Только два раза Менчетичъ отступилъ въ своихъ любовныхъ станцахъ отъ обыкновеннаго двѣнадцатислогового размѣра, въ I. 41, II. 45. Здѣсь строфы изображаютъ пятнадцатислоговые дистихи, т. е. стихъ состоитъ изъ двухъ половинъ, въ первой по восьми слоговъ, во второй по семи; риѳма вяжетъ пары стиховъ, т. е. дистихи, въ восьмомъ и въ пятнадцатомъ слогѣ. Акростихъ SISMVNDO допускаетъ, если предпочитаемъ, вмѣсто дистиховъ читать тетрастихи, т. е. передѣлать ихъ въ строфы, заключающія въ себѣ по четыре стиха (8—7, 8—7, съ риѳмой abab).

Многообразнѣе выступаетъ стихотворческое искусство у поэта Държича. Хотя онъ стоитъ ниже Менчетича глубиной мыслей и богатствомъ поэтическихъ образовъ, но въ оборотахъ языка и въ стихосложеніи онъ богаче своего товарища. Конечно и у него преобладаетъ двѣнадцатислоговой размѣръ,

стихи котораго скрѣплены двойной риѳмой въ извѣстные дистихи. И у него замѣтно иногда повтореніе риѳмы или даже цѣлыхъ двухъ начальныхъ стиховъ въ концѣ пѣсни, сл. въ №№ 8. 42. 56. 73. Но у него вы найдете кромѣ обыкновенныхъ дистиховъ или тетрастиховъ, составляющихъ строфы, и кромѣ строфы, обнимающей три стиха (№ 12, здѣсь риѳма ababcc), гдѣ третій стихъ можетъ быть семислоговой (№ 48, риѳма здѣсь aabbb), еще и строфы сложенныя изъ восьмислоговыхъ стиховъ съ риѳмой abab (№ 72), или же съ риѳмою abbaca, abbcac, и т. д. (№ 77). Потомъ онъ употребилъ въ трехъ пѣсняхъ строфы съ чередующимися восьмислоговыми и семислоговыми стихами abab (№№ 28. 41. 60). Эти стихи можно бы считать, какъ и у Менчетича, пятнадцатислоговыми дистихами. Но замѣчательно, что Държичъ рѣшился также употребить семислоговые стихи, не какъ добавочные члены, а какъ главную часть строфы, образуемой изъ трехъ такихъ стиховъ и изъ четвертаго четырехслогового (тетраподіи), въ слѣдующемъ видѣ abbc, cdde, effg, ghhi, ikkl, lmmn и т. д. (№№ 62. 112). Точно такъ онъ притянулъ въ свое стихотворчество также одиннадцатислоговой стихъ, сдѣлавъ изъ него дистихи съ риѳмою въ концѣ стиха aa, bb, cc, (№ 73). Какъ извѣстно это settenari и endecasillabi — самые любимые и наиболѣе употребительные стихи италіанской лирической поэзіи.

Желая такимъ путемъ устранить скучное однообразіе, Държичъ отбросилъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ также риѳму, являющуюся обыкновенно въ срединѣ двѣнадцатислогового стиха, сл. №№ 67. 80. 96. и III. 5 (у Менчетича, но этотъ нумеръ принадлежитъ по всей вѣроятности Държичу). Потомъ разъ онъ сдѣлалъ строфы въ объемѣ шести стиховъ (такъ называемыя сестины) въ № 26.

Наконецъ Държичъ попытался перемѣстить риѳмы, раздѣливъ двѣнадцатислоговой стихъ на двѣ неровныя половины (7 и 5), такъ что вторая (пятислоговая) половина стиха а риѳмою связывалась съ первою (семислоговой) половиною стиха b. Этимъ

стихотворческимъ пріемомъ, не вполнѣ удавшимся, воспользовался поэтъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ (на стр. 442. 443. 444) своей драматической картины, прославляющей чье-то свадебное празднество. Тамъ же (на стр. 444—445 и 447—448) встрѣчаются также двѣнадцатислоговые стихи, подогнанные въ строфы, по три стиха въ каждой, безъ внутренней риѳмы, въ концѣ же стиховъ виденъ слѣдующій порядокъ риѳмъ: ab ab cb cd cd ed ef ef gf gh gh ih ik ik (такъ на стр. 444—445); ab ca bc cd ee dd, fg hf, gh hi (447). Что Държичъ сочинялъ также сонеты, объ этомъ мы уже говорили.

Между Менчетичемъ и Държичемъ Маруличъ стоитъ по серединѣ. У него нѣтъ разнообразія стиховъ Държичевыхъ, но онъ превышаетъ Менчетича особеннымъ осложненіемъ въ примѣненіи риѳмы, котораго Менчетичъ въ своихъ любовныхъ стихахъ еще не зналъ, въ религіозныхъ же пѣсняхъ (о мукѣ Христовой) онъ несомнѣнно уже подражалъ примѣру Марулича. Осложненіе это состоитъ въ томъ, что Маруличъ не только связываетъ два а два стиха въ одно цѣлое (въ дистихъ) двойной риѳмой, а также съ конца первой пары стиховъ переноситъ риѳму въ первую половину (первое полустишіе) слѣдующей пары стиховъ. Такимъ образомъ у него чередуются риѳмы, безъ обращенія вниманія на единство строфы, въ слѣдующемъ порядкѣ: aa—bb, bb—cc, cc—dd, dd—ee, ee—ff и т. д. Эти стихотворческіе пріемы соблюдаетъ Маруличъ въ Юдитѣ и въ Сусаннѣ, потомъ въ виршахъ «о мукѣ Христовой» (на стр. 172—189), въ виршахъ на стр. 190, гдѣ продолженіе начиная со стиха 17 по 32 не принадлежитъ къ предыдущему, какъ видно уже по несоблюденію этого пріема. Далѣе въ стихахъ на стр. 208, въ переводѣ гимна «o gloriosa» (на стр. 214—215) и въ молитвѣ Богородицѣ на стр. 216. Въ остальныхъ стихахъ Марулича правило это не соблюдается.

Такъ какъ этого пріема стихотворческаго искусства нѣтъ у Менчетича и Държича, въ ихъ стихахъ собранныхъ въ 1507 году Николой Раниною, то уже въ этомъ различіи можно

усмотрѣть одно вѣское доказательство, отвергающее прежнюю теорію, будто бы Менчетичъ и Държичъ остановились для своихъ поэтическихъ произведеній на двѣнадцатислоговомъ размѣрѣ, благодаря простой подражательности. Напротивъ у Менчетича есть слѣды подражанія Маруличу, но только въ позднѣйшихъ пѣсняхъ его «о Исусѣ», и то только въ первой (на стр. 339), гдѣ онъ по примѣру версификаціи Маруличевой сочинилъ двѣнадцатислоговые стихи съ риѳмами aa—bb, bb—cc, cc—dd и т. д. Менчетичу могъ сдѣлаться извѣстнымъ этотъ пріемъ, если не по рукописнымъ тетрадкамъ сочиненій Марулича, то по печатному изданію Юдиты 1521 года.

Но я задался цѣлью, выяснить только выборъ двѣнадцатислоговаго стиха у древнѣйшихъ поэтовъ славянскихъ Адріатическаго побережья. Достигъ ли я этой цѣли, пусть скажутъ другіе.

И. В. Ягичъ.

Вѣна 20 марта 1896.

Приписка. Когда моя статейка была уже отослана въ С.-Петербургъ, доставилъ мнѣ мой товарищъ, проф. Иречекъ, для издаваемаго мною журнала «Archiv für slavische Philologie» очень любопытное изслѣдованіе объ одномъ изъ упомянутыхъ выше поэтовъ дубровницкихъ, подъ заглавіемъ «Der ragusanische Dichter Šiško Menčetić». Изслѣдованіе изобилуетъ новыми біографическими данными, почерпнутыми авторомъ изъ дубровницкихъ архивовъ. Между прочимъ онъ нашелъ въ пергаменномъ сборникѣ «Liber statutorum doane» на поляхъ страницъ приписки славянскія разныхъ почерковъ. Одна рука, время которой онъ, судя по сходству почерковъ, относитъ къ второму или третьему десятилѣтію пятнадцатаго столѣтія, внесла слѣдующіе *стихи* (кириллицею!):

Сада самь ѡставлень сридь мѡрске пѹчине
Валѡви мѡкнѡ биень, дажь дѡнде с висине
Кадь дѡидѡхь на кѡпнѡ, мнихь да самь . . .

Вотъ неожиданное подтвержденіе моихъ выше сказанныхъ словъ, что давно уже до Менчетича и Държича въ далматинскихъ городахъ сочиняли двѣнадцатислоговые стихи съ двойными риѳмами. Въ приведенномъ набросќѣ уцѣлѣло по крайней мѣрѣ одно двустишіе (дистихъ) со всѣми примѣтами выше изложеннаго стихотворческаго искусства. Приписка досужаго писаря похожа на цитату изъ какой-то пѣсни, сочиненной, быть можетъ, по случаю какой-нибудь катастрофы на морѣ.

И. В. Я.